

ЗАКУПНИЧЕСТВО КАК УНИКАЛЬНЫЙ ТИП КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

М. О. Кузьмин

Воронежский государственный университет

ZAKUPNICHESTVO AS A UNIQUE TYPE OF CREDIT RELATIONS IN ANCIENT RUSSIA

M. O. Kuzmin

Voronezh State University

Аннотация: исследуется проблематика института закупничества, известного из текста Пространной редакции Русской Правды, с позиции кредитных правоотношений и ростовщичества. Проводится анализ различных точек зрения относительно данного явления, сформировавшегося в отечественной науке в дореволюционный, советский и современный периоды. Определяется природа закупничества как юридического феномена в законодательстве Древнерусского государства и его роль в жизни общества.

Ключевые слова: закупничество, закупы, займ, договор займа, Русская Правда, Древняя Русь, ростовщичество, ростовщики, деньги, берестяные грамоты.

Abstract: this article examines the problems of the institution of zakupnichestvo, known from the text of the Long Edition of Russian Law, are examined from the position of credit legal relations and usury. An analysis of various points of view regarding this phenomenon, which was formed in domestic science in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, is carried out. The nature of zakupnichestvo as a legal phenomenon in the legislation of the Ancient Russian state and its role in the life of society are determined.

Key words: zakupnichestvo, peasants-zakups, loan, loan agreement, Russian Law, Russian Pravda, Ancient Russia, usury, money lenders, money, birch bark charters.

В условиях раннефеодальной монархии Древней Руси финансовая сфера носила достаточно развитый и сложноструктурированный характер. Фундаментом кредитно-денежных отношений государства Рюриковичей с момента его образования и до распада на удельные княжества, бесспорно, выступала внешняя торговля с соседними странами: на западе – с поляками и венграми, на севере – со скандинавскими племенами, на востоке – с булгарами, на юге – с ромеями¹. Именно последние являлись ключевыми партнерами восточных славян в процессе товарооборота. Так, стремление русских князей к полному контролю над Днепровским торговым путем («из варяг в греки») было про-

диктовано сложившейся в X в. действительностью. Правовая и экономическая коммуникация с Византией, оформленная в том числе договорами 907, 911, 945 и более поздних годов, не ограничилась товарообменом между двумя государствами. На Русь стали проникать механизмы регулирования финансовых отношений, существовавших в Восточной Римской империи. Особое внимание среди них уделялось правилам кредитования населения, в том числе в форме закупничества.

Актуальность настоящего исследования проявляется и в низком уровне проработанности темы в рамках комплексного анализа кредитно-денежных отношений Древнерусского государства – закупничество нечасто становится объектом изучения в научных трудах историков и правоведов.

¹ См.: Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 2020. С. 134.

© Кузьмин М. О., 2024

Безусловно, договор займа был известен восточным славянам задолго до образования Древнерусского государства, а в дальнейшем получил свое развитие. Страна, которая вела активную торговую деятельность, объективно не могла существовать без кредитных институтов. К тому же следует отметить, что ранее упомянутые договоры первой половины X столетия свидетельствуют не только об устойчивых взаимосвязях Киева и Константинополя, но и показывают высокий уровень юридической культуры отечественного законодателя². Например, с уверенностью можно сказать о существовании системы русского права на основе Закона русского, которая являлась предтечей системы права Русской Правды.

Иными словами, нормативный материал, который наличествовал в юридическом поле Древней Руси в обозначенный период, был сопоставим с аналогичными установлениями в Византии, характерными для развитого социума. Кроме того, перекочевавшие из Ромейской империи в ходе процесса рецепции римского права легальные категории смешивались с древнерусскими конструкциями и воплощались в различных институтах, в том числе финансовой направленности. Закон Русский, как особый памятник раннефеодальных отношений в Киевском государстве, закреплял итоговое сочетание форм нормативных категорий из разных правовых систем – обычной и византийской. Именно этот источник в последующем станет основой для Русской Правды во всех ее редакциях, заложившей привычное понимание многих юридических аспектов в жизни средневекового общества.

Тем не менее в отечественном гражданско-правовом обороте имело место явление, претендующее на абсолютную самобытность своего происхождения. Речь идет об уникальном феномене кредитно-денежной природы – закупничестве, известном законодательству Древнерусского государства по крайней мере с XII в. Сложность правового анализа указанной категории заключается в скудности сведений, дошедших до сегодняшнего дня и подлежащих изучению. Например, Пространная редакция Русской Правды, где впервые упоминается закупничество, посвящает данному институту

всего лишь несколько статей, содержащихся в разделах «Аже закупъ бежить», «О закупе же» и др.³ Иные сведения о подобном феномене в нормативных актах эпохи единого Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности отсутствуют. Впрочем, ограниченность законодательного материала преодолевается благодаря совокупности правореализационных свидетельств, полученных в виде берестяных и свинцовых грамот, найденных в ходе археологических раскопок.

Так или иначе институт закупничества стал предметом научных дискуссий как со стороны историков, так и со стороны правоведов. Активная проработка вопросов по поводу упомянутого феномена во второй половине XIX в. сформировала основные подходы к определению природы указанной правовой конструкции. Ряд важнейших археологических находок в последние десятилетия заставил по-новому посмотреть на вышеназванную категорию.

Вместе с тем в дореволюционной и советской историографии сложилось несколько мнений относительно вышеназванного института, которые, в свою очередь, имели две противоположные юридические основы. Так, в соответствии с одной позицией закупничество отождествлялось с договором личного найма – предшественником современного трудового договора⁴. Вторая точка зрения указывала на родство обозначенной конструкции с заемными сделками, отмечая развитый характер денежных отношений в раннефеодальной Руси. Остальные подходы в той или иной степени опирались на две упомянутые концепции, добавляя правовые особенности конкретных институтов – кредитования или трудового найма, а также смешивая их. Исходя из вышеизложенного, необходимо рассмотреть указанные суждения специалистов более детально.

Осмысление закупничества через призму трудовых правоотношений исходит из буквальной трактовки ст. 55 Пространной редакции Русской Правды, где декларируется: «Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всехъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривень продаже»⁵. Поскольку норма присут-

² См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 85.

³ См.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 99.

⁴ См.: Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. СПб., 1858. Т. 5. С. 189.

⁵ Если господин продаст закупа в полные холопы, то должник свободен от выплаты всех взятых взаим денег,

ствуется в разделе «О закупе ж», то специалисты зачастую сопоставляют вышеупомянутый термин «закуп» с лексемой «наймит», тем самым проводя параллели с пониманием договора личного найма, бытовавшего в отечественном законодательстве имперского периода. Так, одним из известнейших теоретиков в области истории русского права В. И. Сергеевичем была сформулирована гипотеза о «трудовом» происхождении вышеупомянутого явления. Он отмечает, что закуп – рабочий, наемный человек, получающий оплату вперед⁶. При этом данную категорию полузависимого населения, по его мнению, нельзя приравнивать к кабальным холопам, появившимся в XV в., поскольку последний погашает трудом проценты, которые возникают в рамках обязательств, а первый – основной долг, беря вознаграждение заранее. В обоснование своей точки зрения он приводит пример функционирования механизма, имевшего место в XVIII столетии, по предварительному предоставлению платы работнику. Однако недопустимо отождествлять экономико-правовые конструкции в области трудовых отношений Екатерининской эпохи с закупничеством в Древнерусском государстве – содержание этих институтов несопоставимо. Напротив, в позиции В. И. Сергеевича следует обратить внимание на то, что упоминание долга уже подразумевает под собой заемную или ссудную природу сделки.

Так или иначе идею об уподоблении закупничества и личнонаемного труда развивали и некоторые другие дореволюционные и советские ученые. Но как и прежде, главными аргументами обозначенной точки зрения выступали предположения и попытки соотнести поздние юридические конструкции с ранними – времен Киевского государства. В частности, сторонниками названной концепции являлись знаменитейший русский историк В. О. Ключевский⁷ и не менее выдающийся правовед В. Н. Лешков⁸. Первый из них предлагал рассматривать образование данной полузави-

симой прослойки населения в качестве попытки порабощения вольных общинников для усиления феодальной власти на местах. В дальнейшем, в середине 1950-х гг., свои суждения изложил М. Н. Тихомиров, который не разделял мнение В. И. Сергеевича о свободном положении закупов, впрочем, и не отрицал их статус трудящихся по найму⁹.

Более того, в современной науке вышеуказанная позиция в равной степени встречается нередко, однако преимущественно в периодической литературе. Например, Г. С. Кожухова¹⁰ и А. И. Бондарев¹¹ наделяют термин «закупничество» свойствами прародителя классического трудового договора. Дополнительно коллектив авторов Г. А. Грибина, Е. Л. Ермолаева, Е. С. Илюшина, Л. А. Федосеева¹² поддерживает идею о том, что ранее упомянутый институт не имел в своей основе свойств заемной сделки, аргументируя свои предположения соотношением норм Пространной редакции Русской Правды и Псковской судной грамоты. Оба памятника права содержат понятие «наймит», но в то же время его лексическое значение в общеславянском языке с течением времени изменилось. Лингвистические особенности обозначенного термина необходимо рассмотреть позднее.

Иная точка зрения касательно закупничества в научной среде возникла практически одновременно с «наемной» теорией. Одним из первых, кто высказался о заемной природе данного феномена, был Д. И. Мейер. Он указывал на разграничение полузависимых и зависимых обывателей Древней Руси по следующему признаку – наличию срочных долговых обязательств закупа перед феодалом¹³. Позднее идея была развита Н. П. Павловым-Сильванским, который отмечает ссудный характер «купы» и условие для обретения свободы – возврат землевладельцу пере-

⁹ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 100.

¹⁰ См.: Кожухова Г. С. Генезис правового института «трудовой договор» в российском праве XV – начала XX века : сб. ст. Ростов н/Д., 2018. С. 25.

¹¹ См.: Бондарев А. И. Практика документального оформления трудовых отношений в России (исторический аспект) // Право и государство : теория и практика. 2019. № 11. С. 119.

¹² См.: Русская правда. Правовое положение закупов в Киевской Руси / Г. А. Грибина [и др.] // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 1. С. 40.

¹³ См.: Мейер Д. И. Древнее русское право залога. Казань, 1855. С. 7.

а господину за преступление платить 12 гривен штрафа в пользу князя.

⁶ См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. С. 215.

⁷ См.: Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций. М., 2002. Т. 1. С. 266.

⁸ См.: Лешков В. Н. Русский народ и государство : история русского общественного права до XVIII в. М., 1858. С. 155–156.

данного имущества¹⁴. Постепенно гипотеза стала расширяться, усложняться и искать доказательств своей подлинности в работах других авторов.

Помимо юристов и историков дореволюционного периода, кредитная сущность закупничества не отрицалась и советскими исследователями. Наиболее подробно упомянутая концепция была изложена в работах С. В. Юшкова и Б. Д. Грекова. Несмотря на некоторые различия в подходах к институту закупничества, оба специалиста отличали заемный характер сделок, совершаемых полузависимым населением и землевладельцами. Так, С. В. Юшков связывает возникающие правоотношения подобного вида между сторонами с начавшимся процессом закабаления крестьянства и поэтапного их превращения из свободных людей в крепостных¹⁵. Фактически, по мнению исследователя, закуп по своему статусу был близок к холопскому состоянию, однако не приравнивался к нему. Тем не менее причину установления такого положения полузависимого населения С. В. Юшков видел в заемных обязательствах перед феодалами, которые практически было невозможно погасить¹⁶.

В свою очередь, Б. Д. Греков не только утвердительно заявлял о кредитной природе закупничества, но и объяснял, откуда в тексте ст. 55 Пространной редакции Русской Правды появился термин «наймит». По его мнению, данная лексема происходила от понятия «найма», что в древнерусском языке могло означать лихву, иными словами процент с отданных займы денежных средств или иного имущества¹⁷. Подобные предположения Б. Д. Греков сделал в 1953 г., т. е. за 22 года до обнаружения новгородской берестяной грамоты № 526 при археологических работах на Троицком раскопе. Примечательность артефакта заключается в следующем – документ представляет собой список должников, в котором указаны сведения о размере «исто» (основного долга) и «намъ». Обозначенное определение, согласно И. И. Срезневскому, использовалось в Древней Руси со значением процентов, платы за рост¹⁸.

¹⁴ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 330.

¹⁵ См.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939. С. 67.

¹⁶ См.: Там же. С. 86.

¹⁷ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 200.

¹⁸ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. С. 288.

Именно в названной берестяной грамоте устанавливается прямая, неоспоримая связь между терминами, характеризующими ситуацию из области заемных отношений. Безусловно, до данной находки были и иные фрагментарные свидетельства, косвенно подтверждающие предположения Б. Д. Грекова о происхождении «наймита». Речь идет о берестяных грамотах № 57, 215, 218, 509, а также о свинцовой грамоте № 1 и других артефактах. Примечательным является и тот факт, что лексема «наем» встречается в берестяной грамоте № 609 и содержит в себе вполне современный смысл омонимичного юридического института и не соотносится с «намом» – платой за рост.

Впрочем, вышеназванные факты лишь частично подтверждали относимость закупничества к заемным сделкам – непосредственная связь между законодательством и правоприменительной практикой отсутствовала, что делало точку зрения Б. Д. Грекова уязвимой. Однако обнаружение берестяных грамот № 1031 и 1105 в 2012 и 2018 гг. соответственно позволило сделать окончательный вывод о кредитной природе такой категории. В обозначенных документах описывается ситуация, когда закупа (в тексте исторических памятников используется синонимичный термин «паробок») нелегально продали в холопство третьему лицу. При этом он потребовал от нового господина права «искать кунь», ссылаясь на ст. 52 Пространной редакции, вследствие чего и вскрылся обман. Вдобавок текст одной берестяной грамоты описывает зеркальную ситуацию, содержащуюся в другой. Так или иначе, помимо отождествления закупничества с одним из видов договора займа, данные документы, датированные второй половиной XII в., свидетельствуют о реальном действии норм Устава Владимира Всеволодовича 1113 г. К тому же в грамоте № 1031 сторонами выступают субъекты, занимающиеся предоставлением денежных ссуд, о чем гласит фрагмент «10 гривенъ лежитъ въ треть», а также надпись на обороте, где фигурируют проценты – «нам». Необходимо предположить, что закупничество не только выступало существенным элементом хозяйственной действительности Древнерусского государства, на что обращает внимание П. В. Лукин¹⁹, но и было тесно связано с ростовщической деятельностью.

¹⁹ См.: Лукин П. В. Новгородская берестяная грамота № 1105 и древнерусские закупы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 46.

Б. Д. Греков провел глубокое и развернутое исследование в области лексического значения финансовых терминов, однако во главу угла им были поставлены марксистские идеалы. Такой подход не отвечает требованиям современной науки, не учитывает ряд особенностей исторического развития Древнерусского государства и требует определенной корректировки.

Проанализировав две основные концепции относительно природы института закупничества, необходимо указать – данный правовой феномен следует рассматривать только с позиции заемных отношений, поскольку уподобление его личному найму недопустимо. Возможно допустить смешение нескольких договоров в юридической практике, о которых писал М. Ф. Владимирский-Буданов²⁰, но корни этого явления произрастают из кредитования населения землевладельцами посредством денег или иного имущества.

Исходя из вышесказанного, правовое положение закупов в пределах социальной стратификации Древней Руси восходит к особенностям хозяйственных отношений, возникавших между сторонами гражданского оборота. Экономический характер причин появления данного полувисимого слоя населения проявляется прежде всего в долговых обязательствах, которые выступали основой для возникновения закупничества. При этом, как отмечал С. В. Юшков, формы таких правоотношений были весьма разнообразны, начиная от привычного договора займа и заканчивая неуплатой компенсации за совершенные правонарушения²¹. Таким образом, ссудные обязательства в рамках закупничества могли возникать как из договоров, так и во внедоговорном формате, оставляя приоритетным кредитный способ обременения. При этом не всякий долг имел возможность трансформироваться в купу. Для подобного преобразования требовалось публичное заявление кредитора при обязательном участии свидетелей или фиксация в специальных письменных грамотах.

В итоге можно предположить, что закупничество выступало особым видом договора займа. Рассматривая положения ст. 52–55, 57 Пространной редакции, необходимо сделать

²⁰ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 463.

²¹ См.: Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов н/Д., 2003. С. 325.

вывод – указанные правоотношения обладали всеми необходимыми элементами кредитной сделки, однако возврат ссудного имущества был возможен только в форме осуществления работ в интересах землевладельца. Например, «аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. Паки ли прииметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть приняль»²². Следовательно, такая конструкция появилась в Русской Правде не без основания. Прямой запрет Церкви на заключение договора займа между субъектами гражданского оборота с целью извлечения прибыли за пользование денежными средствами ограничивал доступ малоимущего населения к кредитным операциям. Для обхода религиозного табу и был создан механизм закупничества, формально не попадавший под категорию ростовщичества.

Со временем данный институт двигался в сторону ухудшения положения полувисимого населения – перспектива полного погашения долга и выкупа из несвободного состояния сделалась практически невозможной²³. В соответствии с этим положения Устава Владимира Всеволодовича в части регулирования правового статуса закупов имели скорее социальную, а не экономическую природу. Стоит отметить и то, что в начале XII в. на территории Древней Руси резко изменилась хозяйственная ситуация, вызванная неурожаем и набегами кочевых племен на южные границы государства. Ввиду этого значительное количество свободных общинников, ремесленников и мелких торговцев становились закупками, заключая договор заемного характера с землевладельцами. Отсюда и реакция княжеской власти на происходившие события в обществе путем введения дополнительной законодательной регламентации обозначенного правового института в своде законов.

Нормы Пространной редакции о закупничестве весьма противоречивы. Несмотря на то что Устав Владимира Мономаха выступал откликом власти на Киевское восстание 1113 г., нель-

²² Если господин нанесет ущерб закупу, причинит вред его купе или личной собственности, то это все ему господин должен возместить, а за ущерб заплатить 60 кун. Если господин возьмет на нем больше денег, то вернуть ему деньги, которые взял сверх меры, а за ущерб должен заплатить 3 гривны штрафа в пользу князя.

²³ См.: Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. С. 200–201.

зя выделить те социальные слои, интересы которых стояли бы в приоритете. С одной стороны, в ст. 52 провозглашается принцип обращения представителя полузависимого населения в обельные (полные) холопы за бегство от феодала – «аже закупъ бежить от господы, то обель». Подобные меры были призваны укрепить положение аристократической верхушки, закрепить ее привилегии относительно более низких сословий. С другой стороны, закупы по своей природе принципиально не рассматривались как бесправная категория населения. Текст вышеупомянутой статьи содержит некоторые специфические элементы правового статуса полузависимого населения. К примеру, закупы имели право покидать угодья господина для зарабатывания денежных средств с целью возврата долга. При этом в случае противоправных действий феодала они могли в равной степени уйти от кредитора для обращения к князю или судьям с жалобой для восстановления своих нарушенных интересов. Иными словами, нахождение закупов в пределах границ хозяйства господина являлось своеобразной гарантией исполнения обязательств полузависимого населения, которое сохраняло личную свободу и экономическую правосубъектность. Исходя из изложенного, в положениях ст. 52 Пространной редакции следует заметить признаки некоторой обеспечительной меры в рамках реализации особой формы договора займа – закупничества. К тому же такое явление было сопряжено с институтом реституции, применяемым в тех случаях, когда действия землевладельца носили явно недобросовестный характер.

Анализируя текст Пространной редакции, необходимо обратить внимание на то, что правовой источник конкретизирует степень ответственности закупа за посягательство на имущество феодала. С учетом положений ст. 53 и 54 неблагоприятные последствия в случае причинения ущерба вещи для должника возникали в зависимости от вида имущества, которое было заимствовано у кредитора. Например, гибель коня господина не влекла за собой какую-либо меру ответственности для закупа за исключением тех случаев, когда животное передавалось непосредственно для проведения сельскохозяйственных работ или для иных целей по поручению феодала. При этом на орудия труда, предоставленные должнику для выполнения сделки, такое правило не распространялось – риск утраты вещи был

возложен на полузависимого субъекта гражданского оборота.

Тем не менее подобные правоотношения могли быть установлены только при наличии договора купы. Иные формы реализации предоставления имущества в аналогичной ситуации в чистом виде не предусматривались. Стоит отметить отличные друг от друга, а порой и противоположные, подходы к пониманию термина «купа», содержащиеся в трудах отечественных специалистов. Историки и правоведы наделяли этот институт различными характеристиками, при том что сама лексема не имеет определенного написания. Вопрос о правильном изложении понятия «купа» – «копа» – «кова» в различных списках Русской Правды актуален до сих пор. Тем не менее закупничество, бесспорно, представляет собой пример кредитных отношений.

Сопоставляя вышеупомянутую категорию с современным законодательством, сложно найти единый вид соглашения, которому бы соответствовала такая конструкция. Необходимо сказать о смешении договоров – закупничество, имея строго заемную природу, функционировало в совокупности с элементами арендных или ссудных правоотношений. Иными словами, предметом договора могли выступать как индивидуально определенные (конкретный «воиский конь»), так и родовые вещи. Причем согласно тексту Пространной редакции к первым относили не только рабочий скот, но и всевозможные орудия труда – к примеру, «плугъ и борона».

Таким образом, правовая природа закупничества заключается в том, что оно представляло собой видоизмененную конструкцию договора займа, поскольку Церковь налагала религиозный запрет на ростовщическую деятельность среди христиан. При этом реалии экономической сферы Древней Руси подразумевали для дальнейшего развития государства необходимость существования подобных финансовых отношений, субъектом которых выступали не только крупные землевладельцы, но и неимущие слои населения. Фактически вышеуказанное обязательство по описанию представляло собой сочетание денежного займа и товарного кредита, в первую очередь акцентируя внимание на возмездном характере сделки.

Впрочем, необходимо сопоставить положения Пространной редакции Русской Правды с зарубежными памятниками права для того, чтобы проанализировать возможные аналоги закупни-

чества, существовавшие в других государствах и обществах. В первую очередь необходимо обратить внимание на варварские правды, которые предусматривали статус особой прослойки населения у франков и германцев – литов (альдиев или лэтов)²⁴. Указанная категория населения таких германских племен в иерархической лестнице раннефеодального общества обладала переходным правовым статусом. Положение литов носило отличительные черты, свойственные как свободным общинникам, так и лицам, попавшим в рабскую зависимость. Так или иначе природа появления двух слоев полузависимого населения в Западной Европе и на Руси различна. Происхождение литов доподлинно неизвестно – большинство специалистов предполагают, что обозначенная социальная группа представляла собой сочетание покоренных германцами народов и вольноотпущенных рабов²⁵. Иными словами, зависимость от землевладельцев возникала по неэкономическим причинам. В свою очередь, закупничество основывалось на купе – специализированной ссуде, которую сельский рабочий брал у феодала для осуществления всякого рода сельскохозяйственной деятельности. При этом предметом подобных сделок выступали денежные средства, инвентарь, семена или рабочий скот²⁶.

Тем не менее институт закупничества был известен не только отечественному праву, но и в других землях, сопредельных с Русью. Рассматривая Старый Статут Великого княжества Литовского 1529 г., одним из источников которого выступала Русская Правда, нельзя не обратить внимание на то, каким статусом в данном своде законов был наделен закуп. Так, под обозначенной социальной категорией понимались либо не обладающие каким-либо имуществом, либо задолжавшие лица, обязавшиеся работать в хозяйстве кредитора до отработки и уплаты долга²⁷. Непосредственное упоминание закупа в разделе XI, артикулах (6) 5 и 8

(7)²⁸ свидетельствует о схожем положении несвободных лиц, которое встречалось ранее в Уставе Владимира Всеволодовича. К тому же, как отмечал М. Н. Ясинский, феномен представлял собой кредитную сделку, сопряженную с личным залогом или залогом²⁹. Интересным выступает и следующий факт – обозначенный юридический институт в литовском праве не получил значительного дальнейшего развития, ограничившись запретом на обращение закупа в полные холопы. Фактически закупничество продолжило существовать в первоначальном виде в середине XVI в. на территории Западной Руси, лишь немного изменив свое содержание.

Таким образом, вышеназванная категория закупничества представляет собой уникальный феномен, призванный преодолеть различные ограничения и условности хозяйственных отношений в Древней Руси. Выступающий аналогом прямых кредитных сделок и сформировавшийся по причине религиозного запрета Христианской Церкви на ростовщическую деятельность, указанный институт развился в самостоятельную юридическую конструкцию. При этом заемный характер закупничества сохранялся вплоть до XVI в. не только в отечественном законодательстве, но и в памятниках права Великого княжества Литовского, практически не подвергаясь изменениям. В дальнейшем в условиях изменившейся политической и социально-экономической ситуации в Восточной Европе, сопряженной в том числе с образованием Московского царства, значение института сходит на нет, а впоследствии он прекращает свое существование в правовой сфере жизни общества. Ему на смену приходит кабальная система, начиная новый виток в процессе закрепощения тяглого населения Руси.

Библиографический список

Бондарев А. И. Практика документального оформления трудовых отношений в России (исторический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11. С. 117–120.

Вернадский Г. В. Киевская Русь. М. : Ломоносовъ, 2020. 448 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.

²⁴ См.: Там же. С. 203.

²⁵ См.: Ясинский М. Н. Закупы Русской Правды и памятников западно-русского права (Юрид. природа закупничества). Киев, 1904. С. 33.

²⁴ См.: Салическая Правда / под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950. С. 22.

²⁵ См.: Суровень Д. А. Правовое положение населения по «Салической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2015. № 14. С. 113.

²⁶ См.: Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций. М., 2002. Т. 1. С. 235.

²⁷ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонского. Минск, 1960. С. 234.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : Госполитиздат, 1953. 568 с.

Зимин А. А. Холопы на Руси. М. : Наука, 1973. 391 с.

Ключевский В. О. Русская история : Полный курс лекций. М. : АСТ, 2002. Т. 1. 592 с.

Кожухова Г. С. Генезис правового института «трудовой договор» в российском праве XV – начала XX века : сборник статей. Ростов н/Д. : Ростовский юридический институт МВД России, 2018. С. 25–33.

Лешков В. Н. Русский народ и государство : История рус. обществ. права до XVIII в. М. : Унив. тип., 1858. 613 с.

Лукин П. В. Новгородская берестяная грамота № 1105 и древнерусские закупы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 44–47.

Мейер Д. И. Древнее русское право залога. Казань : И. Дубровин, 1855. 60 с.

Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. Неволина. СПб. : Тип. Э. Праца, 1858. Т. 5. 524 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М. : Наука, 1988. 690 с.

Русская правда. Правовое положение закупов в Киевской Руси / Г. А. Грибина, Е. Л. Ермолаева, Е. С. Илюшина, Л. А. Федосеева // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 1. С. 40.

Салическая Правда / под ред. В. Ф. Семенова. М. : Образцовая тип. им. Жданова, 1950. 168 с.

Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. 688 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1902. Т. 2. 1802 с.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонского. Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1960. 253 с.

Суровень Д. А. Правовое положение населения по «Салической правде» : к вопросу о сущности варварских обществ и государств // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 87–151.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 192 с.

Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 735 с.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Госюридиздат, 1949. 544 с.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 256 с.

Ясинский М. Н. Закупы Русской правды и памятников западно-русского права (Юрид. природа закупничества). Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. 38 с.

References

Bondarev A. I. Practice of documenting labor relations in Russia (historical aspect) // Law and state: theory and practice. 2019. No. 11. P. 117–120.

Vernadsky G. V. Kievan Rus. Moscow : Lomonosov, 2020. 448 p.

Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Moscow : Territory of the Future, 2005. 800 p.

Grekov B. D. Kievan Rus. Moscow : Gospolitizdat, 1953. 568 p.

Zimin A. A. Serfs in Rus'. Moscow : Nauka, 1973. 391 p.

Klyuchevsky V. O. Russian history : Complete course of lectures. Moscow : AST, 2002. Vol. 1. 592 p.

Kozhukhova G. S. Genesis of the legal institution “employment contract” in Russian law of the 15th – early 20th centuries. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 25–33.

Leshkov V. N. Russian people and state : History of Russians. society rights until the 18th century. Moscow : Univ. pr. h., 1858. 613 p.

Lukin P. V. Novgorod birch bark document No. 1105 and ancient Russian purchases // Rus', Russia. Middle Ages and Modern Times. 2019. No. 6. P. 44–47.

Meyer D. I. Ancient Russian law of pledge. Kazan : I. Dubrovin, 1855. 60 p.

Nevolin K. A. Complete works of K. A. Nevolin. St. Petersburg : Pr. h. E. Pratz, 1858. Vol. 5. 524 p.

Pavlov-Silvansky N. P. Feudalism in Russia. Moscow: Nauka, 1988. 690 p.

Russian Law. Legal status of procurement in Kievan Rus / G. A. Gribina, E. L. Ermolaeva, E. S. Ilyushina, L. A. Fedoseeva // Modern scientific research and innovation. 2018. No. 1. P. 40.

Salic Law / ed. V. F. Semenova. M. : Pr. h. of Zhdanov, 1950. 168 p.

Sergeevich V. I. Antiquities of Russian law. St. Petersburg : Pr. h. of M. M. Stasyulevich, 1909. Vol. 1. 688 p.

Sreznevsky I. I. Materials for the dictionary of the ancient Russian language based on written monuments. St. Petersburg : Pr. h. Imperial Academician Sciences, 1902. Vol. 2. 1802 p.

Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529 / ed. K. I. Yablonskis. Minsk : Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1960. 253 p.

Suroven D. A. Legal status of the population according to the “Salic Law”: on the question of the essence of barbarian societies and states // Historical and legal problems: a new perspective. 2015. No. 14. P. 87–151.

Tikhomirov M. N. A manual for studying Russian Truth. Moscow : Moscow University Publishing House, 1953. 192 p.

Yushkov S. V. History of state and law in Russia (IX–XIX centuries). Rostov-on-Don : Phoenix, 2003. 735 p.

Yushkov S. V. Socio-political system and law of the Kyiv state. Moscow : Gosyuridizdat, 1949. 544 p.

Yushkov S. V. Essays on the history of feudalism in Kievan Rus. Moscow : Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1939. 256 p.

Yasinsky M. N. Zakups of Russian Law and monuments of Western Russian law (Legal nature of procurement). Kyiv : Pr. h. of S. V. Kulzhenko, 1904. 38 p.

Воронежский государственный университет
Кузьмин М. О., аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
E-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Поступила в редакцию 28.09.2023

Для цитирования:

Кузьмин М. О. Закупничество как уникальный тип кредитных отношений в Древней Руси // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (56). С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/95-103>.

Voronezh State University
Kuzmin M. O., Post-graduate Student of Theory and History of State and Law Department of Law Faculty
E-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Received: 28.09.2023

For citation:

Kuzmin M. O. Zakupnichestvo as a unique type of credit relations in Ancient Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 1 (56). P. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/95-103>.